

ЗУРАБ ЦЕРЕТЕЛИ:

Надо делать дело, а время рассудит

Активность Российской академии художеств заметна даже людям, не имеющим никакого отношения к изобразительному искусству, – чего стоит один храм Христа Спасителя, строящийся под ее патронатом. Новое существование академии отсчитывается с момента избрания президентом Зураба ЦЕРЕТЕЛИ. Этому событию исполнилось два года. Мы предложили президенту РАХ поделиться некоторыми "предварительными итогами" своей работы.

– Когда я пришел в академию, прежде всего стал заниматься уставом. 240 лет назад Екатерина учредила Академию художеств, был принят устав, потом его много раз переделывали, наконец утвердился устав советский, соцреалистический. Он, конечно же, был очень связан со своим временем и для нас устарел. Но все же содержал что-то полезное. Мы проанализировали все существовавшие уставы Академии художеств, оставили лучшее. Так родился нынешний Устав РАХ.

– Но Академия художеств в советские годы считалась весьма консервативным заведением. Как происходило ее реформирование?

– Оставляли все прогрессивное, от другого отказывались. Стремимся активнее участвовать в учебном процессе. Институт истории искусств нацеливаем на новейшие явления в культуре. Кое-чего, кажется, добились. Когда я пришел, Петербургская академия имени Репина хотела отделяться от Российской академии. Сразу после избрания я туда поехал, говорил с руководством – ведь там уникальная школа, такой в мире больше нет, – мы обсуждали планы сотрудничества, советовались, как сделать учебный процесс более эффективным. Там все находилось в жалком состоянии, здание – памятник архитектуры – рушилось. Надо было, чтобы кто-то взял на себя инициативу. До этого все в основном демонстрировали свои амбиции. Петербургская школа соревновалась с московской, и наоборот. В результате ничего не делалось. Мы привели в порядок замечательную библиотеку академии, ее музей. На основе этого музея создавался Русский Эрмитаж и так далее. Но там и сейчас многое осталось – и это должны видеть люди. А этого не было. На картины и книги текла вода, виноваты в конечном счете все, потому что интересовались своими амбициями, а не конкретным делом. Сейчас здание академии на Васильевском острове нельзя узнать – 20 тысяч квадратных метров новой кровли, новый фасад, фонари, работы ведутся во внутреннем дворе. Спасли и памятник, и учебный процесс продолжается.

– С вашим приходом на пост президента академии связывают прием в ее ряды художников, которых раньше не было туда доступа. Вы намерены продолжать это начинание?

– Мне хотелось бы продолжать, но академия, увы, ограничена по численности. Приняли всех, кого выдвигали, кого не принимали раньше по идеологическим мотивам.

– Но такие известные художники, как Рабин, Немухин, Булатов, Кабаков, по-прежнему остаются вне академии.

– Во-первых, их пока никто не выдвигал, а во-вторых, не все сразу. Ставки очень трудно получить, государство не готово их предоставить в нужном количестве. Что сейчас творится в стране, всем известно – люди копейки получают за свою работу, причем за огромную работу. А то, что происходит в академии, – весьма значительно. Сколько выставок устроили, студентов во Францию возили... Выставка дипломных работ из Санкт-Петербурга и Москвы в Париже, в Европе имела огромный резонанс. А рядом мы устроили выставку ху-

Куда будем – 1999–11–17 Ноябрь, с. 7

дожников, которые учились в России, а теперь живут за рубежом. А наши выставки "Семья Шмариновых", "Семья Жилинских"... Меня больше всего сейчас волнуют проблемы профессионального образования: какими бы ни были богатыми индивидуальность и передовые взгляды, все же азбуку профессии надо знать. Я преподавал в Америке, в Европе и могу сказать, что у нас самая крепкая, надежная школа. Ее нужно всеми силами сохранять, иначе беда. Вот только педагогов с каждым годом все меньше и меньше. Я-то знаю, чего это стоит. У меня были уникальные педагоги, я у великого рисовальщика Шухаева учился. В Тбилиси тогда, слава Богу, можно было найти учителей. Шухаев говорил своим ученикам, на что необходимо обращать внимание, как надо рисовать натуру. Он натуристов ставил за спины учеников. Мы смотрели, как они расположены в пространстве, и это отражали на листе, а не как при соцреализме – светотени пририсовывали. И образцы Шухаева называл нам лучше.

– Помимо академических дел, вы заняты организацией Музея современного искусства. Расскажите, пожалуйста, об этом проекте.

– Сколько живу, слышу, что в России нет такого музея и это, мол, безобразие. Раньше было нельзя, запрещали, но теперь-то можно. А предложений реальных никаких нет. И это в эпоху инициативных людей! Я как президент академии решил взять инициативу на себя. А что делать? Художники остались голые. Выставочных залов нет, галерей нет. Куда художникам нести свои работы? Мы решили создать музей на Петровке и на Пречистенке.

– Нельзя ли уточнить: музей имеет какое-то отношение к Академии художеств?

– Нет, это московский муниципальный музей. Структура такая же, как в Нью-Йоркском музее современного искусства. Я вообще внимательно изучал их опыт и понял, что такой музей в России может существовать только в том случае, если будет взаимодействовать

с аналогичными музеями мира, если войдет в мировой контекст. Надеюсь, что мы устроим обмен выставками и все такое прочее. Но вернемся к помещениям. На Пречистенке здание принадлежало военным, их надо было куда-то перевести. Я передал свой гонорар за работу на Манеже Министерству обороны, офицерам купили квартиры, и теперь здание принадлежит музею.

– То есть это здание, грубо говоря, – ваша собственность?

– Не понимаю, что это значит! Я, когда умру, заберу его в могилу, что ли? Там все федеральное и муниципальное. Земля прежде всего. Неважно, кому что принадлежит. Самое главное – все это правильно использовать.

– А что за история с переводом здания на Петровке из федерального подчинения в муниципальное? Вас, кажется, обвиняли в покушении на памятник архитектуры?

– Это смешная история! Стоял дом – действительно памятник работы архитектора Казакова. Он разрушался, трещал по швам. Формально за него отвечали федеральные власти, на самом деле – никто. Дом стоит на московской земле, его должны были обслуживать муниципальные органы. Но если прорывало трубы и мы звонили в районные службы, там говорили, что их это не касается. Во всем этом не было ни логики, ни смысла, обыкновенная ведомственная чехарда. Я обратился в федеральное правительство еще при Черномырдине и попросил передать это здание городу. Слава Богу, хватило ума, передали. Здание остается памятником, за ним наблюдает соответствующее управление Московского правительства. Мы его отреставрировали и в скором времени откроем там часть музея. И вот вместо того чтобы сказать "спасибо", нас обругали в СМИ. К этому-то я привык. Говорят, что некоторые журналисты, еще не видя музея, уже готовы его разнести. Такая недоброжелательность и предвзятость меня, конечно, удивляют. Но, как говорится, надо делать дело, а время рассудит.

– Скажите, как будет строиться экспозиция вашего музея?

– На Петровке будет авангард классический, а на Пречистенке – ХХ век: академики и прочее.

– Коллекция уже собрана?

– Многое уже собрано, что-то собирается сейчас.

– В газетах писали, что вы никому это собрание не показываете почему-то.

– А как его показывать? На улицу вынести, что ли? Откроется музей – покажем. Тем более что я еще продолжаю собирать. Просматриваю все аукционы, все коллекции частные как в России, так и за границей. Это тысячи работ. Все делаю сам. Я так решил. Другие музеи, в частности на Западе, тратят много денег на консультантов, на экспертов. Это, думаю, потому, что сами они не художники, а мне, надеюсь, не нужны эксперты, слава Богу, могу разобраться, что подлинное, а что нет.

– Какие вещи из уже приобретенных вы могли бы назвать?

– Мне особенно дорогое собрание работ тех художников, которые погибли во время репрессий 30-х годов. Их имена почти никому неизвестны. Только профессионалам. Я спрашивал у покойного Дементия Алексеевича Шмаринова об одном графике, он за голову схватился. Говорят, я помню, когда-то от него ждали огромных свершений, но неизвестно, куда он потом делился. Так вот был репрессирован, всеми забыт. Теперь мы его выставляем. Вообще это ведь огромный пласт российского искусства XX века. Насильственно выброшенный из общественной жизни, из истории. В том, чтобы выставить эти работы, есть в конце концов выполнение не только художественного, но и нравственного долга. Не говоря уже о том, что сами по себе они удивительно интересны. Первая выставка, которую мы планируем, – персональная экспозиция Нины Коган, ученицы Малевича. Ее работы никто никогда не видел. Есть еще много достойных имен.

Беседу вел
Юрий АРПИШКИН